

Ellen J. Green

TWIST OF FAITH

Эллен Грин

ЛАБИРИНТЫ
ВЕРЫ



Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Оформление переплета *Анастасии Ивановой*

Грин, Эллен.

Г85 Лабиринты веры / Эллен Грин ; [пер. с англ. М. Л. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100340-1

Эта сложная, закрученная история собирает разгадку постепенно, из малых деталей, как пазл, с неожиданным поворотом на каждом шагу. В ней нет ничего очевидного, все меняется в мгновение ока. Нет ни хороших людей, ни плохих, ни черного, ни белого – лишь множество оттенков. Оттенков правды и лжи, явного и тайного, доверия и предательства, мести и воздаяния. Поэтому совершенно невозможно понять, как сложится этот пазл. До тех пор, пока на свое место не встанет последняя мелкая деталь...

Аву Сондерс удочерили еще в младенчестве. Со временем она очень захотела узнать, кто была ее настоящая мать. Но приемная семья отгородилась от нее барьером молчания. Ава поняла: за ее происхождением стоит какая-то тайна. Когда умерла Клэр, приемная мать, Ава как следует покопалась в ее вещах. И нашла загадочную полароидную фотографию. На ней был изображен какой-то дом, а внизу фото шла странная и пугающая надпись. Ава нашла этот дом. Оказывается, несколько лет назад в нем произошло жуткое двойное убийство...

**УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© 2018 by Ellen J. Green. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency
© Перевод на русский язык, Павлычева М. Л., 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100340-1

*Посвящается моим детям,
Эве-Элизабет и Иэну*

Глава 1

Серый, в пятнах дом напомнил мне мертвую рыбу. Краска, как чешуя, облезала со старой вагонки. Побитые непогодой ставни — судя по виду, когда-то они были черными — висели на ржавых петлях под неестественным углом. Высокий, узкий, уродливый дом, построенный на вершине крутого холма. Дул сильный ветер, и на мгновение я представила, как дом отделяется от бетонного фундамента, поднимается в воздух с насиженного места и опускается точнехонько на меня.

Я стояла на первой из восемнадцати каменных ступеней, ведущих к входной двери. Снова опустила взгляд на фотографию. Черно-белый полароидный снимок был зернистым, но дом изменился не сильно. Мне хотелось подойти к двери и постучать, но я колебалась. Что я скажу, если мне откроют? Было бы проще, если б кто-то открыл дверь и увидел, как я топчусь тут, — но все окна были темными, несмотря на то что солнце на западе уже опустилось за горизонт.

Я допила остывший кофе из бумажного стаканчика и поднялась по ступеням. Шторы на первом этаже были раздвинуты, поэтому я, приставив ладони к лицу, заглянула внутрь; через грязное стекло мне удалось рассмотреть лишь пустую гостиную.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

От неожиданности я вздрогнула.

У подножия лестницы стояла женщина. Седые волосы, выбившись из-под шарфа, развевались на ветру; руки она держала в карманах пальто.

— Э... я ищу хозяина, но, похоже, дома никого нет. Вы из местных? — Я спустилась к ней вниз.

— Да. Если вы решите ждать хозяев, вам придется запастись провизией. Здесь сейчас никто не живет. — Ее тонкие губы раздвинулись в неуверенной улыбке. — А что вам нужно?

— И давно дом пустует?

— Полгода стоит без жильцов. Я живу рядом с этим уродством, так что знаю. Давно бы надо его снести... А что? Вы хотели бы его снять?

— Нет. Я провожу исследование...

— Как? Разве очередная годовщина уже была? — Она слегка отодвинула от лица края шарфа и склонила голову набок. — А мне казалось, что до нее еще месяца два...

— Годовщина?

— Убийств. Разве вы не их исследуете?

— Нет, я...

— Сейчас дом принадлежит девелоперской компании. — Женщина пожала плечами. — Я думала, его сразу снесут, но они почему-то цепляются за него. Уже целых пять лет он мозолит мне глаза.

Пока она говорила, я потихоньку пятилась, не подозревая, что край тротуара совсем близко. Потеряла равновесие и выронила снимок. Наклонилась и подняла, но женщина успела взглянуть на него.

— Здесь этот самый дом? — Она взяла из моей руки черно-белое фото и внимательно его разглядела.

Я подумала о Клэр, женщине, которая удочерила меня, которая растила меня двадцать два года. Она всегда утверждала, что не знает, как я, завернутая в желтое одеяло, оказалась в притворе католического храма Христа Спасителя. Недель шесть от роду, говорила она. Я умо-

ляла ее дать мне побольше информации, открыть детали, рассказать об обстоятельствах, но она уверяла меня, что ничего этого не знает.

Я подозревала, что это неправда, потому что у меня сохранились воспоминания — расплывчатые фрагменты, перемежающиеся с яркими картинками. Они не вписывались в ее версию. И эти нестыковки стали загадкой, которую я пыталась решить всю свою жизнь. Проектом, который мне так и не удалось довести до конца. Все детские и юношеские годы я, постоянно спотыкаясь и падая, пыталась разобраться. Кто бросил меня, почему и когда? Я задавала вопросы, но, когда это не помогало, находила утешение в гневе, манипулировании людьми, а позже в алкоголе, чтобы все забыть.

Я наткнулась на эту фотографию уже после ее смерти. Снимок лежал в чулане вместе с другими памятными вещами из моего детства: школьными снимками, табелями, аттестатом, желтым детским одеялом. Фотография была вложена в заклеенный чистый белый конверт.

С того дня, когда я разорвала конверт и увидела фото с домом, мною владело растущее нетерпение — ощущение незаконченного дела, недописанной главы. За две недели и три дня, что прошли с того момента — пока я подписывала бумаги, помогала Анаис организовать переправку тела Клэр во Францию, утешала тетю Мари, — я постоянно возвращалась к фотографии. Что она значила для Клэр и почему та сохранила ее? Та ложь, за которую она так упорно цеплялась при жизни, те тайны, что она так упорно берегла, теперь, после ее смерти, сами вырвались наружу.

Посмотрев в серые водянистые глаза женщины, я спросила:

— А кого убили?

Она долго молчала; я даже усомнилась в том, что она услышала меня.

— Мужа и жену. Обоих сразу.

— Вы хорошо их знали?

Из моего «хвоста» выбились пряди, и я заправила их за ухо. Я слушала женщину, но мой взгляд рыскал по улице позади нее в поисках чего-то, чего я и сама не знала.

— Достаточно хорошо, чтобы здороваться по утрам или забирать их почту, когда они были в отъезде. Дайте мне еще раз взглянуть на фотографию... — Она протянула руку.

Я отдала ей снимок, и тут рядом с нами притормозила машина. Из окна высунулся пожилой мужчина.

— Прошу прощения. Скажите, как выехать на Флор-таун? — Мужчина обращался к женщине, но его взгляд был прикован ко мне. Я твердо выдерживала его взгляд, пока женщина показывала дорогу, а потом, когда он поехал дальше, смотрела ему вслед.

Женщина сокрушенно покачала головой.

— Так о чем вы говорили? — Она держала фотографию так, чтобы лучше разглядеть слова — почти выцветшие, — написанные печатными буквами после даты. — Дата та же, что и дата убийства. — Она перевернула снимок. — Похоже, снимали с нижней части лестницы, примерно оттуда. — Указала чуть в сторону от себя. — Снимок, конечно, дрянной, но дом точно этот. — По тому, как она сунула снимок мне в руку, я поняла, что ей страшно.

— Что? В чем дело?

— Дверь осталась открытой. После того как их убили. Дверь осталась открытой, вот так и нашли тела. — Она ткнула пальцем в картонку. На фотографии входная дверь была распахнута во всю ширь, и в проеме виднелся погруженный в полумрак холл. — Что, снимали сразу после того, как их убили? — Прежде чем я успела ответить, она возмущенно произнесла: — Это дурацкая шутка? Но это не смешно. Это было ужасно. Их забили мо-

лотком. Почтальон нашел их на следующий день... Мужчина лежал на полу в гостиной. Откуда у вас это фото?

— Я уже сказала, что провожу исследование. Пожалуйста, расскажите мне о них и о том, что случилось в день их убийства.

Я думала, женщина уйдет — такое отвращение отразилось на ее лице, — но она не ушла.

— Фамилия у этой пары была Оуэнс. Мужчина и женщина средних лет. Дестини и Лойял Оуэнс. Он был крупным дядькой. Возможно, застал грабителя в доме, когда они вернулись...

— Значит, все решили, что было ограбление?

Она пожала плечами.

— Не слышала, чтобы из дома что-то пропало. Хотя все вокруг были здорово напуганы, это точно. Надо же, убить двух человек... Полиция так и не выяснила, кто это сделал.

Я перевела взгляд на дом; я уже довольно долго простояла перед ним. Взгляд мужчины в темной машине все не давал мне покоя.

— Меня от всего этого просто в дрожь бросает. Я, наверное, пойду. — Я повернулась к ней спиной, а потом оглянулась. — Спасибо.

Она едва заметно кивнула:

— Если захотите купить дом, они отдадут вам его за песню.

Я улыбнулась:

— Жаль, что я не пою.

* * *

Привалившись к своей машине, я изучала дом. Стенело, зажглись уличные фонари; каменные ступени были освещены. Я кожей чувствовала теплый клубочек выдыхаемого воздуха.

— Какого черта, Клэр? — Я в сердцах топнула ногой.

Открыла дверцу машины, села за руль и заблокировала замки. «2/15/10. Судьба приходит к нам, побуждаемая Верностью». Я наизусть знала слова, написанные под фотографией. «Все, что возрождается, нельзя разрушить». Потерла глаза — от усталости буквы расплывались. Судьба и Верность — это Дестини и Лойял. «Все, что возрождается, нельзя разрушить».

— А что такое то, что возрождается? Надежда, — пробормотала я.

Знала ли Клэр, что эта фотография указывает на меня, Аву Хоуп¹ Сондерс? А разве могло быть иначе? Она наверняка знала о тех убийствах — поэтому-то и убрала фотографию подальше. Передо мной возникло лицо Клэр — злое, усталое, с продолжающимися триумфальное шествие «куриными лапками» у уголков глаз. Из ее рта с тонкими губами льется поток гадостей. Расстояние и время не изменили наши отношения к лучшему. Они, кажется, только ждали удобного момента, а потом возобновлялись с той же жесточенностью, что и в день моего возвращения из колледжа.

Если честно, все прошедшие шесть месяцев она была не совсем самой собой. Я видела, что Клэр устала, расстроена, встревожена. Она, так трепетно относящаяся к своей внешности, стала пропускать запись в салон и допустила, чтобы в проборе появилась седина; ее ногти были короткими и без лака. Дни бесконечного сна или недосыпа сделали свое дело. На ее лице отразилось каждое мгновение прожитых ею сорока шести лет.

В последние недели ее жизни мы почти не разговаривали по дороге к врачу. У него не было ответов на апа-

¹ В английском языке имя Дестини переводится как «судьба», имя Лойял — как «верный», имя Хоуп — как «надежда». — *Здесь и далее прим. пер.*

тичность, боль в мышцах, отсутствие аппетита, поэтому он делал ей укол витаминов и отправлял домой. После исключения Эпштейна — Барра, ВИЧ, аллергии он мог предложить ей лишь еженедельные уколы витамина В и отдых. Это могло бы помочь. Но не помогло.

В тот день я вошла в ее комнату и увидела, что она снова лежит в кровати; белое пуховое одеяло натянуто до груди. На тумбочке — кофе и книжка. Я отреагировала на все это с безразличием, порожденным крушением надежд.

«Клэр, ты хотела, чтобы я вернулась домой, а сама продолжаешь валяться в кровати. Я сейчас возьму билет обратно в Монреаль».

Когда она посмотрела на меня, я увидела темные круги под ее глазами, ее нежное красивое лицо, превратившееся в обтянутый кожей череп. На мгновение мне показалось, что Клэр мертва, но она была жива. До смерти было еще два дня.

«Учеба в колледже закончилась, Ава. Пора возвращаться домой. — В ее голосе было больше силы, чем я ожидала. Я сделала шаг назад. — У нас с тобой есть важные дела. Мы должны дать прошлому уйти».

Я стукнула ладонью по кровати столбику. «Отпустить прошлое? Как я об этом не подумала? Если б это было так просто...»

«Что с тобой случилось?» Ее глаза блестели, как стекло, и казались ввалившимися.

Я уставилась на нее, обдумывая свои следующие слова. И правда, что со мной случилось? Как я оказалась в этой семье?

«Клэр, ты хочешь поговорить? По душам? А как насчет того, чтобы ответить на некоторые вопросы? А? — Она протянула ко мне руку, но я оттолкнула ее. — Думаю, ничего не получится. Я опаздываю на работу, закончим позже».

Шанс нам так и не представился. Два дня спустя у нее произошел инфаркт, когда она шла в мою комнату.

Я завела двигатель и оглядела улицу. Ничего. Мужчина уехал. Бросила последний взгляд на дом. С освещенным уличными фонарями фасадом, необитаемый, оторванный от жизни, одинокий, он так и стоял на вершине крутого холма.

Глава 2

Загорелся красный сигнал на светофоре, и он, остановив свой темно-коричневый «Крайслер Лебарон» перед стоп-линией, посмотрел в зеркало заднего вида. Они все еще стояли там, на тротуаре, и разговаривали. Прежде чем подъехать к ним, он долго стоял на дальнем углу Эвергрин и наблюдал за ними, пока у него от холода не задеревенели пальцы. Тогда он завел двигатель и, включив печку, стал растирать руки в струе теплого воздуха. И продолжал ждать.

Она стояла там, в нескольких шагах от него. Он надеялся на такой шанс, сколько себя помнил. Найти ее, выманить из-под опеки Клэр. Каждый раз, когда он думал, что уже учуял их, и начинал подбираться к ним, Клэр ухитрялась исчезнуть. И охота начиналась сначала.

Однажды, почти пятнадцать лет назад, он подобрался достаточно близко, чтобы схватить ее. Она играла на детской площадке и побежала к мусорному баку, чтобы что-то выбросить. Она тогда остановилась и посмотрела на него с таким видом, будто знала: он придушит ее, если ему выпадет такая возможность. Он ей улыбнулся. И в этот момент объявилась Клэр, взяла ее за руку и увела. Клэр даже не взглянула на него. Однако она знала, кто он такой, — не могла не знать. Он был в этом уверен.

И вот Ава выросла и стоит здесь. Следуя за ее серебристой «Хондой Аккорд» по мосту Бена Франклина в Филадельфию, он не знал, куда она направляется. Но не раздумывая повернул вслед за ней на съезд.

Когда же она поехала по той части Джермантаун-авеню, что шла через Честнат-Хилл, у него учащенно забилося сердце. Ведь она направлялась прямо к дому, как будто знала, что произошло здесь пять лет назад. Он припарковался в квартале от дома, чтобы иметь возможность наблюдать. Хотя его ноги заледенели, верхняя губа покрылась бисеринами пота, и он вытер его носовым платком.

И тут на тротуаре появилась та тетка и окликнула ее: «Ава, что ты делаешь?» Если она зайдет в дом, это ни к чему хорошему не приведет. Пять лет назад, может, и привело бы, но не сейчас. Там нечего искать. Как только он разделается с Авой, исчезнет последнее звено, связывающее его с убийствами.

Ава стала спускаться вниз к тетке. Он не в первый раз восхитился ее внешностью — ее зелеными глазами, которые лишали его самообладания. Под их взглядом он покрылся гусиной кожей, когда она, маленькая девочка в забрызганном кровью платье, посмотрела на него.

То были глаза умудренного опытом человека. Человека, познавшего все. В них светился ум. От мысли, что их взгляд может проникнуть ему в душу, он начинал нервничать.

Однако сейчас, даже если она и обратила на него внимание, едва ли она его вспомнила. У него во всех отношениях обычная внешность: рост пять футов и десять дюймов¹, волосы с проседью, пухлое рыхлое, как картошка, лицо, маленькие, глубоко посаженные карие глаза. В общем, обычный мужчина средних лет. Такие не

¹ Пять футов и десять дюймов — 178 см.

запоминаются. Он встречался с одними и теми же людьми, но они никогда не вспоминали его имя, не говоря уже о чем-то более существенном из его жизни.

Тетка наклонила голову и изучала чертово фото, читая надпись под ним. Наверное, снимок достался ей от Клэр. Она нашла его в вещах после ее смерти. Кроме этой фотографии, у Авы есть достаточно кусочков, чтобы начать складывать мозаику. Поддавшись порыву, он завел двигатель и подъехал к ним. Ему был необходим тот снимок.

«Прошу прощения, — обратился он к ним через окно. — Скажите, как выехать на Флортаун?»

Любопытная тетка подошла к машине, не выпуская из руки полароидный снимок. Его так и подмывало вырвать его из ее пальцев, когда она стала указывать на Бетлиэм-Пайк. Но он упустил свой шанс. Посмотрел на них, кивнул, помахал им и поехал по улице.

Загорелся зеленый свет, и он, бросив на них последний взгляд, повернул направо, на Джермантаун-авеню. В другой раз, в более подходящий момент, когда представится удобная возможность и он будет уверен в том, что замел за собой следы, он заберет это фото и покончит с Авой.

Глава 3

Я включила свет и плюхнулась в кресло у входной двери, радуясь тому, что тетя Мари еще не начала рассортировывать и упаковывать личные вещи Клэр. После ее смерти для меня это стало непосильной задачей. Сначала я находила предлоги, чтобы не заниматься этим, а потом решила оставить все как есть. Но Мари не умеет жить с невыполненными задачами.

Я закрыла глаза.

Говорят, когда человек умирает, у него перед глазами прокручивается вся жизнь. Но я всего лишь чувствовала себя так, будто умираю, и перед моими глазами прокручивалась не вся моя жизнь, а ее обрывки, куски.

Я маленькая, мне, наверное, года четыре. Это даже не воспоминание, а картинка, сопровождаемая сильным чувством. Страхом? Мы куда-то переезжаем, в багажнике сумки и чемоданы. Клэр, сердитая, резкая, второпях застегивает мой ремень безопасности. Я слышу щелчок замка. Картинка пропадает.

На ее месте появляется другая: Клэр наклоняется надо мной, а я в полусне лежу на кушетке. Мне лет десять. Ее дыхание у моего уха будит меня.

«Моя жизнь больше мне не принадлежит. Нет мне покоя, а все из-за тебя. Помни об этом».

Я, удивленная, открываю глаза; она смотрит на меня и уходит.

Вот я стою в ванной и гляжу на себя в зеркало. Мне шестнадцать, спутанные длинные каштановые волосы, отекающие глаза. Мне противно смотреть на себя. В зеркале отчетливо виден след ладони Клэр на моей щеке. Я люто ненавижу ее.

В тот год я очень переживала из-за того, что мы переехали в Хаддонфилд, штат Нью-Джерси, — довольно своеобразный престижный городок недалеко от границы с Филадельфией и рядом с той церковью, где, как мне рассказывали, меня нашли. Мари, сестра Клэр — или мне следовало бы называть ее Сестра Мари, — уже жила там: за несколько месяцев до нашего переезда ее перевели туда из конвента в Калифорнии. Возможно, именно поэтому тот переезд показался мне другим, более постоянным, чем другие, наверное. Я презирала все вокруг. Город был дорогим, фешенебельным, пафосным. Я в него не вписывалась. Всегда была той единственной девочкой, которую не приглашали на вечеринки, но-